

Российская целлюлозно-бумажная промышленность: в поисках новых точек роста

Антон Игоревич Пыжев

*Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), Новосибирск, Россия,
anton@pyzhev.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7909-3227>*

Аннотация

Цель. Проведение анализа потенциала и направлений развития российской целлюлозно-бумажной продукции с учетом исторической ретроспективы и международных сопоставлений.

Задачи. Проанализировать историческую ретроспективу динамики объемов производства целлюлозно-бумажной продукции в России с учетом пространственного размещения производственных мощностей отрасли; дать оценку потенциала роста внутреннего спроса на продукцию целлюлозно-бумажной промышленности на основе международных сопоставлений.

Методология. Исследование проведено с помощью системного анализа развития отрасли экономики на основе статистических реконструкций и международных сопоставлений.

Результаты. Российская целлюлозно-бумажная промышленность за тридцать лет после распада СССР преодолела трансформационный кризис и вернулась к пиковым объемам производства, приблизив технологический уровень и номенклатуру выпускаемой продукции до соответствия уровню ведущих стран. В результате преобразований произошла избыточная концентрация производственных мощностей сектора в европейской части страны, что в современных условиях приводит к затруднениям со сбытом экспортно ориентированной продукции. Разрыв в уровнях подушевого потребления отдельных видов бумажно-картонной продукции в России по сравнению с ведущими лесными странами указывает на возможность дальнейшего роста внутреннего спроса на продукцию сектора.

Выводы. Рост объемов производства целлюлозно-бумажной промышленности может быть связан с ростом внутреннего рынка, для которого потребуется опережающий рост доходов населения.

Ключевые слова: *целлюлозно-бумажная промышленность, экономика лесной промышленности, поворот на Восток, трансформационный кризис, бумажно-картонная продукция*

Для цитирования: Пыжев А. И. Российская целлюлозно-бумажная промышленность: в поисках новых точек роста // *Экономика и управление*. 2023. Т. 29. № 8. С. 917–926. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-8-917-926>

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279-5.

Russian pulp and paper industry: In search of new points of growth

Anton I. Pyzhev

*Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, Novosibirsk, Russia,
anton@pyzhev.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7909-3227>*

Abstract

Aim. To analyze the potential and directions of development of the Russian pulp and paper industry taking into account the historical retrospective and international comparisons.

Tasks. To analyze the historical retrospective of the dynamics of pulp and paper production volumes in Russia taking into account the spatial distribution of the industry's production capacities; to assess the potential for growth of domestic demand for the pulp and paper industry products on the basis of international comparisons.

Methods. The research was carried out by means of system analysis of the industry development on the basis of statistical reconstructions and international comparisons.

Results. The Russian pulp and paper industry for thirty years after the collapse of the USSR overcame the transformation crisis and returned to the peak production volumes, bringing the technological level and the nomenclature of products to the level of the leading countries. As a result of transformations, there was an excessive concentration of the sector's production capacities in the European part of the country, which in modern conditions leads to difficulties in marketing export-oriented products. The gap in the levels of per capita consumption of certain types of paper and paperboard products in Russia compared to the leading forestry countries indicates the possibility of further growth of domestic demand for the sector's products.

Conclusions. The growth of pulp and paper industry production volumes can be associated with the growth of the domestic market, which will require the outstripping growth of the population's income.

Keywords: *pulp and paper industry, forest industry economy, turn to the East, transformation crisis, paper and paperboard products*

For citation: Pyzhev A.I. Russian pulp and paper industry: In search of new points of growth // *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2023;29(8):917-926. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-8-917-926>

Acknowledgements: The article was prepared under the R&D plan of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, project "Driving forces and mechanisms of development of cooperation and integration processes in the Siberian economy", No. 121040100279-5.

Введение

Технологической вершиной традиционной лесной экономики является целлюлозно-бумажное производство. Продукция данного сектора веками востребована человеком для различных бытовых и хозяйственных нужд, и даже бурный научно-технический прогресс XX в. не смог предложить ей альтернативу.

Россия исторически была важным производителем целлюлозно-бумажной продукции, обеспечивая не только внутренние потребности своей экономики, но и многие зарубежные страны. Тем не менее, несмотря на самые большие запасы доступных лесных ресурсов в мире, нашей стране никогда не удавалось быть мировым лидером лесной экономики вообще и ее целлюлозно-бумаж-

ного сектора в частности. Этому вопросу посвящена большая литература, что избавляет от необходимости подробно обсуждать его здесь [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Очевиден тот факт, что единственным эффективным фактором усложнения отечественной лесной экономики является рост внешнего и внутреннего спроса на продукцию самых высоких переделов, прежде всего на изделия целлюлозно-бумажного сектора. Ждать новых источников спроса на российскую целлюлозу, бумагу и картон, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе, не приходится. Санкции против импорта в страны Европейского союза (ЕС) российской лесной продукции существенно влияют на работу лесной отрасли в целом, не исключая целлюлозно-бумажный сектор [7]. При этом

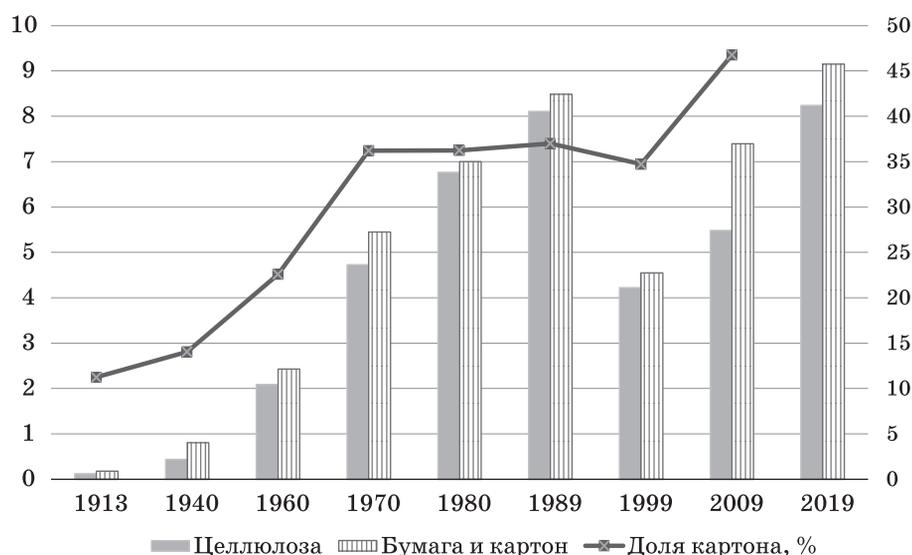

Рис. 1. Динамика объемов производства целлюлозы, бумаги и картона в Российской империи (1913), РСФСР (1940–1989) и РФ (с 1999 г.), млн т (на левой оси); доли картона в общем объеме производства бумаги и картона, % (на правой оси)

Fig. 1. Dynamics of pulp, paper and paperboard production in the Russian Empire (1913), RSFSR (1940–1989) and the Russian Federation (since 1999), million tons (on the left axis); shares of paperboard in the total production of paper and paperboard, % (on the right axis)

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата и статистических сборников [9; 10; 11].

мировая экономика только оправилась от пандемийного кризиса, что также не благоприятствует росту спроса на российскую продукцию и за пределами стран, присоединившихся к санкционным ограничениям против нашей страны.

Следовательно, единственным источником роста служат внутренние резервы¹. Но можно ли быть уверенными в том, что они есть? Достаточно ли для этого производственных мощностей? Соответствует ли их пространственное размещение целям нового этапа развития отрасли? Ответам на эти вопросы посвящена настоящая статья.

Производство бумаги и картона в России в последние тридцать лет: динамика без динамики

На рисунке 1, объединившем несколько исторических источников для демонстрации динамики объемов производства целлюлозы, бумаги и картона в России², отражена

¹ Более развернутую аргументацию в пользу этого тезиса см.: [8].

² Здесь и далее 1989 г. используется в качестве маркерного периода перед распадом Советского Союза. Поскольку последние пиковые значения многих показателей социально-экономического развития России были достигнуты в 2019 году, именно этот период выбран в качестве текущего.

история развития отрасли за более чем столетний период.

После окончательного установления советской власти в стране начинается интенсивное развитие целлюлозно-бумажной промышленности. Именно в 1920-х гг. введены в строй комбинаты, которым предстоит стать крупнейшими российскими предприятиями отрасли: Балахнинский (1925), Кондопожский (1929). Затем строят Камский, Сегежский и Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты (ЦБК) (1936, 1939 и 1940 гг. соответственно), «Марбумкомбинат» (1938), «Соликамскбумпром» (1941), оказывается во владении Советского Союза Светогорский ЦБК (1940). В результате объемы производства целлюлозы и готовых изделий из нее растут кратно: в три с половиной раза с 1913 по 1940 г. Потенциал дальнейшего расширения мощностей на действующих предприятиях был исчерпан, что привело к необходимости запуска новых крупных комбинатов, которые развернуты на новых, удаленных строительных площадках в Архангельской (Котласский ЦБК, 1953 г.), Пермской (Пермский ЦБК, 1959 г.), Иркутской (Братский лесопромышленный комплекс (ЛПК), 1965 г.) областях. В дальнейшем темпы роста производства замедляются вслед за сокращением инвестиционной активности: в поздние

советские годы в строй введены Сыктывкарский (1969) и Усть-Илимский (1980) ЛПК. К распаду Советского Союза в России производили 8,1 млн т целлюлозы (95,3 % от общесоюзного), 5,4 млн т бумаги (84,6 %) и 3,1 млн т картона (72,4 %).

Трансформационный кризис отечественной экономики в целлюлозно-бумажной промышленности затянулся фактически на двадцать лет. Лишь на рубеже 2010-х гг. возникла тенденция догоняющей технологической модернизации производственных мощностей на сохранившихся предприятиях, и даже строительство новых заводов (например, фабрики производителя бытовых и санитарно-гигиенических изделий «Эссити» в Советске и Веневе Тульской области, комбинат «ЮжУралКартон» — в Челябинской). К этому моменту закрылись последние советские предприятия отрасли, в частности комбинаты на Сахалине, в Красноярске, Немане (Калининградская область). Это привело к тому, что только спустя тридцать лет после распада СССР российская целлюлозно-бумажная промышленность вернулась к позднесоветским натуральным объемам производства и немного их превзошла: 8,2 млн т целлюлозы, 9,2 млн т бумаги и картона в 2019 г.

За этот же период выпуск аналогичной продукции в Китайской Народной Республике (КНР) возрос в 8,1 раза (до 107,7 млн т), на территории ФРГ — в 1,9 раза (до 22,1 млн т), Италии — в 1,6 раза (до 8,9 млн т). Вместе с тем другие страны из числа мировых лидеров по производству бумаги и картона фактически повторили динамику нашей страны: так, в Финляндии производство возросло на 11 % (до 9,7 млн т), Швеции — на 15 % (до 9,6 млн т). В то же время в США выпуск сократился на 2 % (до 68,2 млн т), на территории Японии — на 5,3 % (до 25,4 млн т), а в Канаде — на 42,8 % (до 9,5 млн т).

Таким образом, если не считать бурного роста выпуска целлюлозно-бумажной продукции в Китае, феномен которого объясняется опережающим развитием в целом экономики этой страны в указанный период, в остальных странах-лидерах рынка в основном наблюдалась стагнация производства. Это объясняется прежде всего насыщенностью внутренних рынков сбыта и отсутствием новых факторов роста спроса на целлюлозно-бумажную продукцию. Значимую роль играет и фактор пространственного размещения производства, имеющий важнейшее

значение для лесной экономики: издержки на транспортировку древесины и получающихся из нее тяжелых и объемных продуктов при низкой удельной стоимости слишком высоки, чтобы разносить производственную цепочку в мире. Такой подход успешно работает для микроэлектроники, но не для производства лесных товаров, которое лучше всего располагать в непосредственной близости от лесосырьевой базы. Именно это обстоятельство сделало привлекательными инвестиции в российскую лесную промышленность со стороны крупных международных промышленных групп. Восстановление российского целлюлозно-бумажного производства и его технологическая модернизация во многом были обеспечены иностранным капиталом. Например, Архангельский ЦБК с ежегодным объемом производства 870 тыс. т и Сыктывкарский ЛПК (970 тыс. т) оказались в собственности австрийских компаний, Светогорский ЦБК (650 тыс. т) — американской¹. Международная доля находится и в капитале крупнейшей отечественной лесопромышленной компании АО «Группа „Илим“».

Помимо рисков, реализовавшихся в результате массового отказа от экономических связей между Западом и Россией в 2022 г., у такого плотного участия международных финансово-промышленных групп в развитии российского лесного бизнеса были и безусловные выгоды. Их участие позволило создать на базе в основном устаревших советских предприятий целлюлозно-бумажные и целлюлозно-картонные комбинаты современного технологического уровня, внедрить передовые принципы культуры производства. Вместе с тем очевиден тот факт, что интересы даже самых благосклонно настроенных к России иностранцев лежат прежде всего в решении исключительно прагматических задач обеспечения высоких показателей бизнеса у себя на родине за счет относительно дешевых производственных мощностей и сырьевой базы в нашей и других странах, богатых природными ресурсами.

Иностранные инвестиции можно и нужно приветствовать, но всегда помнить о задачах комплексного развития отрасли с учетом долгосрочных социально-экономических интересов страны. К сожалению, их выполнение далеко не всегда связано с привлекательными цифрами сроков и процентов возврата

¹ Сегодня перечисленные компании находятся на разных стадиях выхода из российского бизнеса.

капитала. Но, если их не ставить и не воплощать в жизнь, то спустя время можно столкнуться с обстоятельствами, в которых вкладывать уже придется вынужденно и без всякого инвестиционного анализа.

Пространственный фактор развития целлюлозно-бумажной промышленности в России

Часто можно услышать, что за тридцать лет, прошедших с момента распада СССР, в стране не построено ни одного ЦБК. Это действительно так: новых производителей первичной целлюлозы с полным циклом выпуска готовой продукции так и не построено, несмотря на изрядное количество публичных обещаний, которые особенно интенсифицировались в рамках программы реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов [12]. Да, известны случаи появления новых производств в целлюлозно-бумажной отрасли, их примеры приведены выше. Однако эти предприятия в основном производят конечную продукцию из уже приобретенной у других поставщиков товарной целлюлозы или вторичного сырья (макулатуры).

Между тем и в мире в целом за последние десятилетия новые ЦБК появлялись в большом количестве лишь в Китае. В остальных случаях увеличение объемов производства происходило в основном вследствие технологической модернизации [13].

Однако более важным представляется не то, где открывали новые производственные мощности, а то, где закрывали действовавшие и за счет чего происходило восстановление объемов производства целлюлозно-бумажной продукции в 2010-х гг. Для этого на основе данных об объемах производства бумаги и картона в 1989 г. в аспекте республик, краев и областей РСФСР выполнено агрегирование соответствующих региональных единиц для их соответствия современной системе административно-территориального деления России по состоянию на 2019 г. Выполненное статистическое упражнение позволило впервые провести прямое сопоставление изменений объемов производства бумажно-картонной продукции в пространственном измерении за последние тридцать лет, как видно на рисунке 2.

Фактическое восстановление объемов выпуска бумаги и картона после распада Советского Союза произошло за счет существенно-го роста производства в регионах, входящих

в современный Центральный (+95 %) и Северо-Западные федеральные округа (+32 %) на фоне резкого сокращения объемов производства в Сибирском (-62,4 %) и Дальневосточном федеральных округах (-76,2 %). В азиатской части России из крупных производств в строю остались только Братский и Усть-Илимский ЛПК (входят в структуру АО «Группа „Илим“»), а также Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, которые в совокупности обеспечивают около 4 % национального выпуска бумаги и картона.

С одной стороны, такой очевидный географический вектор перемещения производственных мощностей объяснялся понятной экономической логикой. Китай наращивал собственное производство высокопередельной продукции, используя в этих целях в том числе лесосырьевую базу российского Дальнего Востока и Сибири в соответствии со сценариями, описанными А. С. Шейнгаузом еще в 2006 г. [14; 15]. Внутренний спрос Сибирского макрорегиона ограничен крайне малой плотностью и численностью населения, его неостановимым оттоком в западные регионы страны. Растущий спрос на российские лесные продукты и сырье обеспечивал возможность быстрого наращивания ее сбыта при условии соблюдения требований к качеству и сертификации. По этой причине бизнес-интересы диктовали необходимость развивать производство целлюлозно-бумажной продукции в центральных и северо-западных регионах, в которых уже была высокая концентрация действовавших предприятий и доступна богатая лесосырьевая база.

Что изменилось теперь? Оказалось, что условия постсанкционного мира изменяют правила игры на обратные. Во-первых, доступ иностранного (западного) капитала на наш рынок теперь ограничен на неопределенное время. Под давлением своих властей и общественного мнения инвесторы вынуждены официально разрывать все публичные связи со своими российскими предприятиями, в которые ранее вложены сотни миллионов долларов. Представляется, что практические схемы реализации таких «выходов» допускают возможность скорого возврата к фактически прежней схеме владения по мере смягчения геополитических ограничений на ведение бизнеса. Во-вторых, запреты на ввоз многих видов лесной продукции в страны Европы привел к тому, что уже в конце 2022 г. лесопереработчики северо-запада России не могли продать 30–40 % произведенного объема

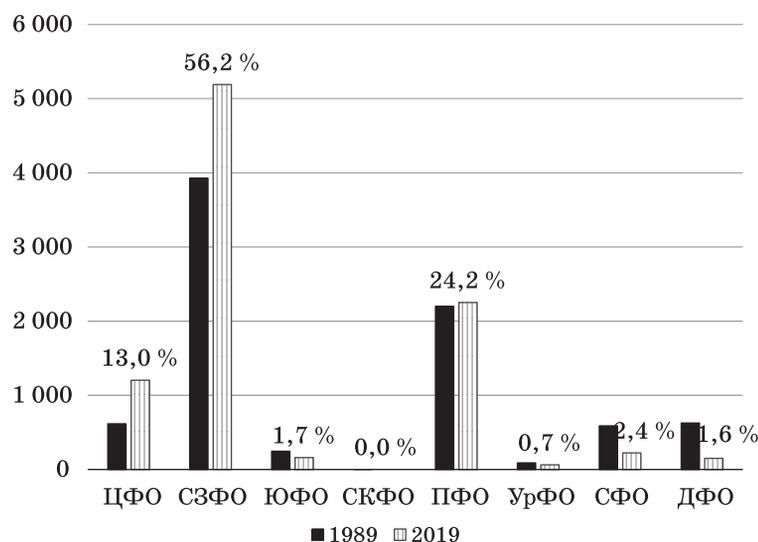

Рис. 2. Распределение объемов производства бумаги и картона в России (РСФСР) в 1989 и 2019 гг. в аспекте федеральных округов в соответствии с административно-территориальным делением 2019 г., тыс. т

Fig. 2. Distribution of paper and paperboard production in Russia (RSFSR) in 1989 and 2019 in the aspect of federal districts according to administrative-territorial division 2019, thousand tons

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и статистического сборника [10].

продукции [16]. В-третьих, даже поставки, напрямую не попавшие под формализованные внешнеторговые ограничения, теперь осуществляются с дополнительными логистическими, финансовыми и организационными издержками из-за опасений контрагентов относительно возможности применения к ним вторичных санкций. Пока это в меньшей степени относится к азиатским клиентам, однако и они зачастую проявляют разумную осторожность. Таким образом, евроэкспортная ориентация российского лесного бизнеса, которая обеспечивала ему успешный рост в 2010-е гг., сегодня себя исчерпала.

Вместе с тем широко обсуждаемый в последнее время «поворот на Восток» не позволит адекватно возместить все потери европейского рынка. Переориентация грузовых потоков в сторону российско-китайской границы и дальневосточных портов обострила проблему ограничения пропускной способности железных дорог в этом направлении, и скорого решения данной проблемы вряд ли можно ожидать [17; 18]. Лесные грузы не имеют более высокого приоритета над остальными, поэтому лесопромышленники испытывают трудности со своевременной доставкой своей продукции иностранным потребителям. Кроме того, сохраняется главная особенность российско-китайского взаимодействия по вопросам лесной экономики: Поднебесная не заинтересована поку-

пать у нашей страны готовую продукцию — им нужно дешевое и быстродоступное сырье [19]. Другие возможные новые азиатские или африканские клиенты не в состоянии обеспечить большой объем дополнительного спроса на отечественную лесную продукцию. В таких условиях строительство нового ЦБК под Хабаровском или Иркутском с объемом производства на уровне существующих гигантов (600–900 тыс. т бумаги и картона в год) выглядит как очень рискованное мероприятие, которое может профинансировать только государство и только в рамках четкой долгосрочной стратегической идеи социально-экономического развития востока страны.

Тем не менее на такие проекты следует обратить внимание в попытках выстраивать новый каркас социально-экономического взаимодействия востока и запада страны. Синергия и кооперация не возникнут сами по себе: на них должен быть создан спрос, который может обеспечить только государственный заказчик [20; 21].

Есть ли куда расти внутреннему спросу на целлюлозно-бумажную продукцию?

Итак, в условиях, когда внешнего крупного заказчика на российскую целлюлозно-бумажную продукцию ждать не приходится, следует обратить внимание на возможности наращивания ее продаж на внутреннем рынке.

Рис. 3. Сопоставление подушевых объемов потребления бумаги и картона и отдельных подвидов продукции целлюлозно-бумажной промышленности в России (2019) и СССР (1989), кг на душу населения

Fig. 3. Comparison of per capita consumption of paper and cardboard and certain subspecies of pulp and paper industry products in Russia (2019) and the USSR (1989), kg per capita

Источник: расчеты автора на основе данных FAOSTAT.

Примечание: данные об СССР, а не о РСФСР, используются ввиду отсутствия последних в базе данных FAOSTAT и в целях сопоставимости.

Укрупненно потенциал рынка можно оценить с помощью удельного показателя потребления соответствующей продукции на душу населения. Такой подход широко применяется в работах о лесной промышленности [22]. Продолжая линию сопоставлений современных показателей с историческими данными в последние годы перед распадом СССР, можно проследить изменение подушевого потребления продукции целлюлозно-бумажной промышленности за тридцать лет, как показано на рисунке 3. В данном разделе для обеспечения корректности международных сопоставлений используется статистика Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) [23]. Недостатки данного источника информации известны и неоднократно обсуждались [24; 25]. Российская национальная статистика о лесной тематике более развита, но структура данных существенно отличается. Поэтому прямое сопоставление ее информации с данными FAO становится затруднительным [26]. Потребление соответствующих видов продукции оценено на основе расчета видимого потребления (производство + импорт – экспорт), по данным FAOSTAT.

В целом потребление бумаги и картона в стране существенно возросло (на 32,7 %). Основной рост обеспечен более чем двукратным ростом потребления упаковочной тары

(на 133,8 %). На данный вид продукции приходится 75,6 % общего потребления бумаги и картона в стране. Большой спад наблюдается в потреблении газет (газетной бумаги), что объясняется массовым переходом населения на использование электронных источников информации. Фактически не изменился спрос на писчую и офисную бумагу. Резко возросло потребление бытовых и санитарно-гигиенических изделий (в 5,3 раза), что происходило по причине догоняющего развития. В Советском Союзе системно не ставили и не решали проблему обеспечения населения этим видом продукции. Лишь в конце 1980-х гг. запущен Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат, который должен был обеспечить население страны туалетной бумагой из вторичного сырья, накопившегося в больших количествах в результате всесоюзной кампании по сбору макулатуры. При этом массовая культура применения в быту бумажных салфеток и иных элементарных изделий санитарно-гигиенического назначения отсутствовала.

Несмотря на очевидный прогресс в интенсификации потребления бумажно-картонных изделий в России, страна по-прежнему слишком отстает по этим показателям не только от ряда ведущих лесных стран, но все еще не достигла среднемировых уров-

Оценки отставания подушевого потребления бумаги и картона и отдельных подвидов изделий из них в России по сравнению с Канадой, США, ФРГ, Финляндией (в разгах) и в среднем по странам мира (%) в 2019 г.

Table 1. Estimates of the lag in per capita consumption of paper and paperboard and certain subspecies of paper and paper products in Russia compared to Canada, the USA, Germany, Finland (in times) and the world average (%) in 2019

	Канада	США	ФРГ	Финляндия	Страны мира в среднем, %
Бумага и картон	2,8	4,0	4,6	2,7	-4,5
Бытовые и санитарно-гигиенические изделия	5,3	5,7	4,6	8,3	-18,8
Газеты	2,6	3,0	8,7	5,4	-19,3
Упаковочная тара	2,2	3,4	3	3,0	19,9
Бумага для печати и письма	5,2	7,1	11,1	—	-50,2

Источник: рассчитано автором по данным FAOSTAT.

ней, если не считать упаковочной тары, как видно из таблицы 1.

Проведенные расчеты показывают, что, несмотря на взрывной рост потребления санитарно-гигиенических изделий, видимый потенциал его дальнейшего роста еще очень велик. Однако он все-таки остается ограниченным со стороны доходов населения на фоне отсутствия естественных драйверов роста его численности. Видимо, именно это обстоятельство объясняет значительно меньший разрыв в потреблении упаковочной тары (в среднем 2,9 раз против шести для санитарно-гигиенических изделий): потребителем упаковки является в основном бизнес, для которого качественная современная тара сокращает издержки в логистике и обеспечивает конкурентоспособность продукции на полке магазина. Нет смысла ждать роста спроса на газеты: наше в среднем более молодое по сравнению с европейским население быстрее отказалось от печатных средств массовой информации, и обратной дороги уже нет¹. Подобная ситуация складывается и в отношении бумаги для печати и письма. Последний жанр окончательно уходит в прошлое, а быстрые темпы внедрения систем электронного документооборота в организациях нашей страны и в среднем более высокий уровень цифровизации всех бытовых и общественных процессов исключает рост спроса в данном направлении.

Можно заключить, что потенциал роста внутреннего спроса на целлюлозно-бумажную продукцию в стране остается. И речь идет не

¹ В приведенных расчетах вызывает любопытство большой разрыв в потреблении газет в Европе и Америке: более чем в два раза. Культура их чтения существенно меньше распространена на американском континенте, население которого в XX в. воспитано телевидением.

столько о внешних условиях или необходимости государственного вмешательства в деятельность отрасли, сколько о более значимом вопросе обеспечения макроэкономической стабильности и роста доходов населения [27]. Дополнительные доходы будут направлены в том числе и на спрос в отношении продукции целлюлозно-бумажной промышленности: прежде всего на упаковочную тару, востребованную современной городской экономикой, и в связи с быстро развивающейся в стране системой электронной коммерции.

Выводы

Повышение эффективности российской экономики требует усложнения ее традиционных отраслей. Это особенно важно для отечественной лесной промышленности, большой ресурсный потенциал которой исторически оказывается невостребованным сложившимися хозяйственными практиками.

В статье показано, что отечественная целлюлозно-бумажная промышленность развивается успешно, несмотря на все возникающие вызовы. Международные сопоставления дают понять, что отставание от мировых лидеров отрасли обусловлено в том числе и объективными причинами, которые не следует считать оправданием бездействию в выработке и реализации эффективной государственной политики развития отрасли. Многолетняя ориентация развития отрасли и сектора на обеспечение экспорта продукции на европейский рынок привела к сокращению производственных мощностей на востоке страны. В современных условиях это усложняет и без того непростую ситуацию, связанную с переориентированием на альтернативные рынки.

Без активного государственного заказчика не удастся быстро решить проблему восстановления производственного потенциала целлюлозно-бумажной промышленности азиатской части России.

С учетом выявленных разрывов в подушевом потреблении картонно-бумажной про-

дукции в России и ряде зарубежных стран можно говорить о достаточном потенциале роста внутреннего спроса на изделия целлюлозно-бумажной промышленности. Для этого необходим опережающий рост доходов населения. И нет ни одной причины, указывающей на то, почему он не нужен.

Список источников

1. Блам Ю. Ш., Машкина Л. В. Проблемы и перспективы развития лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности // ЭКО. 2019. № 11. С. 45–62. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-45-62
2. Антонова Н. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106
3. Блам Ю. Ш., Бабенко Т. И., Машкина Л. В. Лесной комплекс в изменяющихся институциональных и экономических условиях // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. № 5. С. 197–205.
4. Глазырина И., Яковлева К., Жадина Н. Социально-экономическая эффективность лесопользования в регионах России // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5-6. С. 18–33.
5. Онучин А., Соколов В. О концепции проекта Федерального закона «Лесной кодекс Российской Федерации» // Вопросы лесной науки. 2020. Т. 3. № 3. С. 1–11. DOI: 10.31509/2658-607x-2020-3-3-1-11
6. Печаткин В. В. Лесной сектор экономики России: прошлое, настоящее и будущее // ЭКО. 2013. № 5. С. 95–107.
7. Гордеев Р. В., Пыжев А. И. Лесная промышленность России в условиях санкций: потери и новые возможности // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 45–66. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-4-45-66
8. Пыжев А., Гордеев Р. В доме, где резной палисад // Эксперт. 2023. № 11. С. 44–47.
9. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.
10. Народное хозяйство в РСФСР в 1990 г.: статистический ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 592 с.
11. РСФСР за 50 лет: статистический сборник. М.: Статистика, 1967. 255 с.
12. Иванцова Е. Д., Пыжев А. И. Факторы успешности приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов в России: эконометрический анализ // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 2. С. 315–330. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.2.315-330
13. Hsueh J.-S., Shang J.-K. Productivity changes of pulp and paper industry in OECD countries, 1991–2000: a non-parametric Malmquist approach // Forest Policy and Economics. 2005. Vol. 7. No. 3. P. 411–422. DOI: 10.1016/j.forpol.2003.07.002
14. Шейнгауз А. С. Новый феномен Восточно-Азиатской экономики — китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // Пространственная экономика. 2006. № 4. С. 59–80. DOI: 10.14530/se.2006.4.059-080
15. Шейнгауз А. С. Новый феномен восточноазиатской экономики — китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) (окончание) // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 61–82. DOI: 10.14530/se.2007.1.061-082
16. Мордюшенко О. Северо-западу не особенно лесно // Коммерсантъ. 2022. 1 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5695035> (дата обращения: 01.06.2023).
17. Щербанин Ю. А. Сибирь — Дальний Восток: грузоперевозки в направлении морских портов, влияние внешних факторов // Вопросы новой экономики. 2022. № 2. С. 47–58. DOI: 10.52170/1994-0556_2022_62_47
18. Лавриненко П. А., Янков К. В. Перспективы развития железнодорожного транспорта Азиатской России в условиях экономических санкций // ЭКО. 2022. № 9. С. 34–45. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-34-45
19. Сенотрусова С. В., Цзя Б. История и современное состояние китайско-российской торговли лесом и лесопродукцией // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 3. С. 80–100.
20. Крюков В. А. Изучение экономики Сибири: преемственность и комплексность // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 3–32. DOI: 10.15372/REG20180201
21. Крюков В. А., Суслов Н. И., Ягольницер М. А. Экономика России — в основе успеха синергия взаимодействия и межрегиональной кооперации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 90–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102
22. Бурдин Н. А. О проблемах строительства новых целлюлозно-бумажных комбинатов // Лесной вестник. 2006. № 4. С. 13–18.
23. FAOSTAT. Food and Agriculture data // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> (дата обращения: 09.07.2023).
24. Buongiorno J. On the accuracy of international forest product statistics // Forestry: An International Journal of Forest Research. 2018. Vol. 91. No. 5. P. 541–551. DOI: 10.1093/forestry/cpy025
25. Kallio A. M. I., Solberg B. On the reliability of international forest sector statistics: Problems and needs for improvements // Forests. 2018. Vol. 9. No. 7. Article 407. DOI: 10.3390/f9070407
26. Pyzhev A. I., Gordeev R. V., Vaganov E. A. Reliability and integrity of forest sector statistics — a major constraint to effective forest policy in Russia // Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. Article 86. DOI: 10.3390/su13010086
27. Широ А. А. Использование потенциала роста российской экономики для достижения целей развития общества // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 113–120. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-113-120

References

1. Blam Yu.Sh. Mashkina L.V. Problems and development prospects of the forestry and logging industry. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2019;(11):45-62. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-45-62

2. Antonova N. Transformation of the forest complex during the years of Russian reforms: The Far Eastern viewpoint. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017;(3):83-106. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2017.3.083-106
3. Blam Yu.Sh., Babenko T.I., Mashkina L.V. Forest complex in changing institutional and economic conditions. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 2015;(5):197-205. (In Russ.).
4. Glazyrina I., Yakovleva K., Zhadina N. Socio-economic efficiency of forest management in the regions of Russia. *Regionalistika = Regionalistics*. 2015;2(5-6):18-33. (In Russ.).
5. Onuchin A., Sokolov V. On the concept of the draft Federal law "Forest code of the Russian Federation". *Voprosy lesnoi nauki = Forest Science Issues*. 2020;3(3):1-11. (In Russ.). DOI: 10.31509/2658-607x-2020-3-3-1-11
6. Pechatkin V.V. Forest sector of economy of Russia: Last, present and future. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2013;(5):95-107. (In Russ.).
7. Gordeev R.V., Pyzhev A.I. The timber industry in Russia under sanctions: Losses and opportunities. *Voprosy ekonomiki*. 2023;(4):45-66. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-4-45-66
8. Pyzhev A., Gordeev R. In the house with the carved palisade. *Ekspert*. 2023;(11):44-47. (In Russ.).
9. National economy of the USSR in 1990: Statistical yearbook. Moscow: Finansy i statistika; 1991. 752 p. (In Russ.).
10. National economy of the RSFSR in 1990: Statistical yearbook. Moscow: Republican Information and Publishing Center; 1991. 592 p. (In Russ.).
11. RSFSR for 50 years: Statistical collection. Moscow: Statistika; 1967. 255 p. (In Russ.).
12. Ivantsova E.D., Pyzhev A.I. Factors of success of priority investment projects in the sphere of forest exploitation in Russia: Econometric analysis. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16(2):315-330. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2022.2.315-330
13. Hseu J.-S., Shang J.-K. Productivity changes of pulp and paper industry in OECD countries, 1991-2000: A non-parametric Malmquist approach. *Forest Policy and Economics*. 2005; 7(3):411-422. DOI: 10.1016/j.forpol.2003.07.002
14. Sheingauz A.S. A new phenomenon of the East Asian economy — the Chinese timber complex (status and prospects review). *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2006;(4):59-80. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2006.4.059-080
15. Sheingauz A.S. A new phenomenon of the East Asian economy — the Chinese timber complex (status and prospects review) (ending). *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2007;(1):61-82. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2007.1.061-082
16. Mordyushenko O. Northwest is not particularly forested. *Kommersant*. Dec. 01, 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5695035> (accessed on 01.06.2023). (In Russ.).
17. Shcherbanin Yu.A. Siberia — Far East: Cargo transportation towards maritime ports, impact of external factors. *Voprosy novej ekonomiki = Issues of New Economy*. 2022;(2):47-58. (In Russ.). DOI: 10.52170/1994-0556_2022_62_47
18. Lavrinenko P.A., Yankov K.V. Development prospects of railway transport in Asian Russia in the context of economic sanctions. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2022;(9):34-45. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-9-34-45
19. Senotrusova S.V., Jia B. History and current state of the Chinese-Russian trade in timber and forest products. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow State University Bulletin. Series 21: Public Administration*. 2022; (3):80-100. (In Russ.).
20. Kryukov V.A. Studying Siberia's economy: Continuity and complexity. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2018;(2):3-32. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20180201
21. Kryukov V.A., Suslov N.I., Yagolnitsers M.A. The Eastern vector of Russian economy — success based on the synergy of interaction and interregional cooperation. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;230(4):90-102. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102
22. Burdin N.A. On the problems of building new pulp and paper mills. *Lesnoi vestnik = Forestry Bulletin*. 2006;(4):13-18. (In Russ.).
23. FAOSTAT. Food and Agriculture data. Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#home> (accessed on 09.07.2023).
24. Buongiorno J. On the accuracy of international forest product statistics. *Forestry: An International Journal of Forest Research*. 2018;91(5):541-551. DOI: 10.1093/forestry/cpy025
25. Kallio A.M.I., Solberg B. On the reliability of international forest sector statistics: Problems and needs for improvements. *Forests*. 2018;9(7):407. DOI: 10.3390/f9070407
26. Pyzhev A.I., Gordeev R.V., Vaganov E.A. Reliability and integrity of forest sector statistics — a major constraint to effective forest policy in Russia. *Sustainability*. 2020;13(1):86. DOI: 10.3390/su13010086
27. Shirov A.A. Using the Russian economy growth potential to achieve the goals of society's development. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;230(4):113-120. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-113-120

Сведения об авторе

Антон Игоревич Пыжев

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий отделом прогнозирования
экономического развития Красноярского края

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН

630090, Новосибирск, Академика Лаврентьева пр.,
д. 17

Поступила в редакцию 14.07.2023
Прошла рецензирование 07.08.2023
Подписана в печать 29.08.2023

Information about Author

Anton I. Pyzhev

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head
of the Department of Economic Development
Forecasting of Krasnoyarsk Krai

Institute of Economics and Organization
of Industrial Production SB RAS

17 Academician Lavrentyev Ave., Novosibirsk
630090, Russia

Received 14.07.2023
Revised 07.08.2023
Accepted 29.08.2023